

УДК 261.7 (574)

**ЕЩЕ РАЗ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ
ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

К.Г. Соколовский

Приводится обоснование необходимости системы профилактики негативных последствий деструктивной деятельности новых религиозных движений. Даются конкретные предложения по ее выстраиванию.

Ключевые слова: новые религиозные движения; культ; профилактические меры; механизмы защиты социума.

**TO QUESTION ON THE NECESSITY OF THE PREVENTION NEGATIVE
CONSEQUENCES OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS DESTRUCTIVE ACTIVITY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)**

K.G. Sokolovskiy

The article provides the rationale for the prevention of negative consequences of the destructive activity of new religious movements. The concrete proposals for its development are given.

Keywords: new religion movements; cult; preventive measures; society protection mechanisms.

В связи с ростом численности новых религиозных движений (НРД)¹ и их высокой активности особое значение приобретает выстраивание государством системы мер, направленной на недопущение (либо, как минимум, сдерживание) негативных последствий их возможной деструктивной деятельности.

Известно, что таковая может проявляться как на личностном (психические последствия), так и на социальном уровнях (разрушение семей, материальные последствия и т. п.). Кроме того, деструктивная деятельность НРД прямо затрагивает интересы национальной безопасности [1, с. 276], в связи с чем становится предметом заинтересованности уполномоченных государственных органов.

---

¹ С учетом того, что в современной науке пока не сложилось единого понимания термина «новые религиозные движения», оговоримся, что в настоящей работе под данной дефиницией подразумевается духовная группа, исповедующая нетрадиционное для местного населения, как правило, недавно зародившееся альтернативное вероучение, по определению И.В. Симонова, «вызывающее общественное беспокойство» [1, с. 87].

В связи с принятием в Казахстане нового закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» № 483-IV от 2011 г. была произведена перерегистрация всех действующих в стране конфессиональных структур. При этом некоторые руководители НРД выступили с заявлениями о предвзятости уполномоченных органов к новым религиозным организациям и излишней тщательности проверок, которым они подвергаются в сравнении с общинами традиционных конфессий – православия и ислама.

Насколько верно, если эти заявления соответствуют действительности, действовали в таком случае уполномоченные органы? Вопрос здесь, вероятно, в решении государством задачи обеспечения духовной безопасности общества. Представляется логичным, что конфессии, история миссии которых на территории Казахстана исчисляется сотнями лет, прошли перерегистрацию с меньшим количеством административных барьеров. Религиозная сфера жизнедеятельности социума крайне специфическая, и общество должно иметь четкое понимание того, какие церкви ведут свою деятельность в стране и какие ценности ими проповедуются.

Аналогичным образом органы власти должны учитывать опыт преодоления последствий де-

структивной деятельности НРД в странах зарубежья. Предполагать, что подобная ситуация может возникнуть и в нашей стране, а значит, создать превентивный механизм (систему мероприятий), направленный на профилактику таковых, думается, весьма разумный подход.

Отметим, что это особенно важно в поликонфессиональном и многонациональном обществе. Тем более, как свидетельствуют оценки экспертов, особенностью Казахстана является то, что по сравнению с другими странами проживающие у нас этносы в меньшей степени, чем в других государствах, отождествляют себя с религией предков. Как следует из результатов исследований, проведенных сотрудниками Института Европы РАН и Ассоциации социологов и политологов Казахстана, “распространенность конфессиональных самоидентификаций в Казахстане несколько меньше, чем в России... Связь религии и национальности в Казахстане – менее жесткая. Большинство православных среди русских в России – более “подавляющее”, чем большинство мусульман среди казахов и большинство православных среди русских в Казахстане. И наоборот, в Казахстане в обеих главных национальных общинах значительно больший удельный вес имеют иноконфессиональные меньшинства” [2, с. 238–239].

Подобного рода конфессиональная открытость создает, помимо прочего, известную степень угрозы духовной безопасности социума. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так оценивает складывающуюся ситуацию на постсоветском пространстве: “Мы становимся свидетелями того, как концепцией прав человека прикрывают ложь, неправду, оскорбление религиозных и национальных ценностей. Кроме того, в комплекс прав и свобод человека постепенно интегрируются идеи, противоречащие... традиционным моральным представлениям о человеке” [3, с. 206].

В этой связи система профилактики негативных последствий деятельности деструктивных культов приобретает особое значение. Следует отметить, что различными государственными органами Казахстана предпринимаются разнонаправленные меры по противодействию религиозным практикам, имеющим преступную природу.

Правовая база установлена законами Республики Казахстан “О национальной безопасности” № 527-IV от 2012 г. (общественная безопасность, структурной частью которой определены духовная и религиозная безопасность, является одним из видов национальной безопасности) и “О противодействии экстремизму” № 31-III от 2005 г., а также упомянутым выше “О религиозной деятельности и религиозных объединениях”.

Характерно, что закон РК “О национальной безопасности” трактует использование существующих конфессиональных различий и разных религиозных воззрений в политических, экстремистских и террористических целях как действия, подрывающие национальную безопасность (п. 21.2.4), а сохранение и приумножение материальных и духовно-нравственных ценностей казахстанского общества называет одним из основных национальных интересов (п. 5.5).

Согласно существующей практике, при регистрации религиозного общественного объединения особое внимание уделяется изучению его устава, отражающего основные вероучительные положения. Кроме того, организация должна самостоятельно заявить о своей конфессиональной идентификации. Такое положение, хоть оно и является новацией, по нашему мнению, крайне важно. Целый ряд НРД, будучи запрещенными под одним наименованием, продолжают свою деятельность, сменив его на другое. Так, например, известно, что созданный Сан Мен Муном деструктивный культ имеет десятки названий – от религиозных (“Церковь объединения”) и экуменистических (“Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства”) до псевдонаучных (“Вашингтонский институт морально-нравственной государственной политики”) [4, с. 57–58].

Кроме того, в обязательном порядке осуществляется проверка источников финансирования религиозной организации, в том числе издательской деятельности. Это также не случайная мера: эксперты прямо говорят об использовании отдельными странами новых религий в своих геополитических целях [5, с. 44–45]. В своей статье, касающейся деятельности негосударственных международных общественных объединений, один из руководителей Всемирного совета церквей Э. Феррис пишет о росте правительственных субсидий, направляемых на содержание миссионерских организаций [6, с. 108]. Несмотря на то что отказ от финансирования государством любых религиозных организаций является базовым элементом светскости [7, с. 274], данный принцип может быть обойден, например, в случае выделения той или иной церкви денежных средств на нерелигиозные (социальные, образовательные и т. п.) цели.

Несомненно, что этот вопрос не может оставаться исключительно задачей правительства. Ввиду его особой важности и потенциальной опасности негативных последствий, в его решении необходимо как можно шире участвовать неправительственному сектору, СМИ, политическим партиям – всем институтам гражданского общества, прежде всего, для выявления новых деструк-

тивных религиозных учений и информирования уполномоченных органов об этом, а также ведения разъяснительной работы с их членами, направленной на сокращение паствы таких общин.

Как показывает практика, одним из ключевых условий успешности рассматриваемой деятельности является наличие информационных массивов о действующих в стране религиозных культурах. Они формируются в базах правоохранительных органов по преступлениям соответствующего вида, а также накапливаются в ходе ежедневной деятельности общественных объединений, прежде всего центров реабилитации пострадавших от НРД, а также научно-исследовательских учреждениях, действующих при уполномоченных государственных органах и различных институтах традиционных религий.

В то же время отсутствие выделенной группы преступлений, предусматривающих ответственность за нарушения прав граждан, связано с отправлением ими религиозных потребностей (в настоящее время, как показывает практика, чаще всего правоохранительные органы вынужденно привлекают к ответственности руководителей деструктивных религиозных культов по смежным статьям, как-то: “Мошеничество”, “Пропаганда экстремизма”, “Умышленное причинение вреда здоровью граждан” и т. п.), что в значительной степени затрудняет ведение статистики по преступлениям, совершаемым НРД.

Это, в свою очередь, создает понятные трудности при выстраивании криминологической картины данного вида деяний, изучении типичного в личности преступника, мотивах его противоправных действий, а также выработке прогнозных оценок тенденций и динамики религиозной преступности.

Как указывалось выше, в профилактике негативных последствий деятельности альтернативных религиозных культов ключевой мерой видится максимальная информированность населения об их деятельности. В этой связи встает вопрос активной разъяснительной работы, в том числе в школах, средних специальных и высших учебных заведениях. Согласимся с известным православным миссионером А.В. Кураевым, который небезосновательно предлагает ввести в учебных заведениях курс “Техники религиозной безопасности” [8]. На необходимость этого указывают и многие светские религиоведы [9, с. 118; 10, с. 15; 11, с. 112 и др.].

В Казахстане под эгидой Министерства юстиции РК активно проводится разъяснительная работа, акцент в которой сделан на регионы. Для этого в 2004 г. была принята первая Программа по праворазъяснительной работе, формированию право-

вой культуры, правовому обучению и воспитанию граждан на 2005–2007 гг. В 2008 г., учитывая ошутимо положительный результат от ее реализации, была принята новая Программа на 2009–2011 гг., в последующем – на 2011–2014 гг. В настоящее время реализуется очередной ее этап, которому государством уделяется большое значение. Кроме того, указом президента Казахстана Н. Назарбаева утверждена государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013–2017 гг. Заметные блоки названных программ нацелены именно на повышение правовой религиозной грамотности граждан и разъяснительно-профилактическую работу.

В нашей стране основной акцент в пропаганде требований законодательства в области религии осуществляется в регионах школами правовых знаний. Согласно данным органов юстиции, сегодня функционирует более 7 000 таких школ, а количество охваченной ими аудитории приближается к полумиллиону человек. Характерно, что в качестве лекторов выступают не только сотрудники правоохранительных и судебных органов, но и представители заинтересованных неправительственных общественных объединений, преподаватели вузов, специалисты-религиоведы, психологи, а также клир традиционных конфессий, действующих в Казахстане. Лектора идут в учебные заведения, воинские части, клубы и иные места досуга молодежи, выступают в религиозных заведениях.

Приказом министра образования и науки 15 июля 2014 г. утверждена типовая учебная программа для девятого класса “Светскость и основы религиоведения”. Фактически – это новый школьный предмет, преподавание которого начинается с 1 сентября 2016 г. Одна из его целей – сформировать понимание того, что не всем говорящим о боге следует одинаково верить.

Отдельный блок профилактической работы приходится на контингент осужденных по делам об участии в деятельности радикальных НРД и религиозном экстремизме. Здесь, прежде всего, речь идет о сторонниках нетрадиционных течений ислама, совершивших преступления на религиозной почве. Исследования казахстанского политолога М.М. Шибутова показали [12], что сегодня в стране содержится порядка 600 человек названного контингента. При этом работа Комитета по делам религий и различных волонтерских организаций в целом достигает определенных результатов. По данным МВД РК, “после проведения специалистами... консультаций у осужденных появляется большой интерес к религиозной литературе традиционного характера и в целом к традиционному исламу. В результате более 350 осужденных, ранее

придерживавшихся нетрадиционных радикальных религиозных идей перешли на более умеренные позиции с приобретением к традиционному исламу” (данные на сентябрь 2015 г.) [13].

Отметим крайне важную, на наш взгляд, тенденцию: при вынесении приговоров лицам, чьи деяния не представляют значимой угрозы для общества, а поведение свидетельствует о возможности исправления, суды стараются не назначать наказаний, связанных с лишением свободы, понимая, что зачастую именно обстановка в исправительных учреждениях может стать одним из факторов их озлобления и дальнейшей радикализации.

В то же время на свободе с этими гражданами проводится активная разъяснительная работа уполномоченными органами, духовенством традиционных религий, а также их родственниками, в том числе авторитетными родовыми старейшинами, старшими членами семьи.

Также необходимо констатировать, что одним из очевидных недостатков профилактики деструктивных последствий деятельности НРД является отсутствие нормативно закрепленных норм противодействия государственными и заинтересованными общественными структурами формам манипулирования и психологической эксплуатации новыми религиозными культурами своих адептов, а также их ресоциализации. Равно как не существует современной методики определения фактов оказания на человека психического и терапевтического воздействия, наносящих вред его здоровью и душевному состоянию.

Представляется, что, несмотря на высокую дискуссионность вопроса профилактической (а значит, превентивной) работы по недопущению деструктивных последствий деятельности новых религиозных движений, она необходима. Только постоянное обсуждение данной проблемы, выработка предложений и решений позволит оградить верующих от манипулятивного воздействия альтернативных религий, нанесения урона здоровью, а общество и государство – от угроз девиантного поведения адептов.

Литература

1. *Шарапова М.А.* Новая религиозность – угроза национальной безопасности / М.А. Шарапова // Вестн. ОмГУ. Сер. Право. 2015. № 2 (43). С. 275–278.
2. *Бектурганова Б.* Массовое сознание и религия в Казахстане и России // Религиозная толерантность: историческое и политическое измерения / Б. Бектурганова, Д.Е. Фурман; под ред. А.А. Красикова и Е.С. Токаревой. М.: Моск. бюро по правам человека; Academia, 2006. С. 237–252.
3. Кирилл, патр. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Отдел внешних церковных связей Московского патриархата, 2008. 240 с.
4. *Гандоу Т.* Империя “преподобного” Муна / Т. Гандоу; пер. с нем. Клин: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1995. 144 с.
5. *Кривельская Н.В.* Религиозная среда обитания: оценка угроз и поиск мер защиты / Н.В. Кривельская. М.: Известия, 1998. 176 с.
6. *Феррис Э.* Религиозные и светские гуманитарные организации / Э. Феррис // Междунар. журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 858. С. 99–119.
7. *Таранюк Ж.П.* Принцип отделенности церкви от государства как базовый элемент светскости государства / Ж.П. Таранюк // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2001. Т. 2. № 4. С. 273–276.
8. Андрей Кураев предлагает ввести в школах курс “Техника религиозной безопасности” // URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=17390>.
9. *Марсадолова Т.Л.* Религиозная культура и школьное образование в России: современное состояние проблемы / Т.Л. Марсадолова // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2010. № 3. С. 115–118.
10. *Гадаев В.Ю.* Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности / В.Ю. Гадаев // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 13–16.
11. *Кузнецов К.В.* Проблема формирования умений антипропаганды религиозного экстремизма среди студентов гуманитарных вузов / К.В. Кузнецов // Вестн. Рос. междунар. академии туризма. 2012. № 2–3 (5–6). С. 111–113.
12. *Шибутов М.М.* В экстремизм толкает ущербность / М.М. Шибутов // URL: <http://www.islamsng.com/kaz/analytics/8808>.
13. Более 600 лиц содержатся за религиозный экстремизм в учреждениях УИС РК // URL: <http://newskaz.ru/society/20150928/9758550.html>